

На правах рукописи

Коноплёва Оксана Сергеевна

Фольклоризм «Уральских рассказов»

Д. Н. Мамина-Сибиряка

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2005

Диссертация выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» на кафедре фольклора и древней литературы

Научный руководитель

доктор филологических наук,
профессор В. В. Блажес

Официальные оппоненты

доктор филологических наук,
профессор Ю. М. Проскурина
кандидат филологических наук,
доцент Л. М. Слобожанинова

Ведущая организация

Курганский государственный
университет

Защита диссертации состоится 22 декабря 2005 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького по адресу: 620083, г.Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, д. 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Автореферат разослан 22 ноября 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор

М. А. Литовская

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Исследования, посвященные творчеству уральского писателя (работы И. А. Дергачева, Е. А. Боголюбова, М. Г. Китайника, К. В. Боголюбова, А. И. Лазарева, А. И. Груздева), должны быть дополнены новыми аспектами. В советском литературоведении произведения Д. Мамина рассматривались прежде всего в социальном плане, а сам писатель воспринимался обычно как писатель-демократ, обличитель социальной несправедливости. Однако Д. Мамин прежде всего художник, писатель-гуманист. Современное прочтение и осмысление его произведений невозможно без проникновения в художественное мышление писателя, без выявления народно-поэтических истоков произведений Д. Мамина, без учета его следования фольклорным традициям.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней представлено системное изучение народно-поэтических истоков «Уральских рассказов» Д. Мамина. Мы обращаем внимание на недостаточно освещенные маминоведами аспекты поэтики рассказов уральского писателя, а также на малоизученные идейно-тематические аспекты, раскрываем их гуманистическую направленность. Исследование рассказов Д. Мамина с позиций фольклоризма позволяет выявить степень его мастерства и самобытности, более глубоко проникнуть в художественную ткань произведений и осмыслить их содержательность.

Объектом исследования являются «Уральские рассказы» Д. Мамина.

В качестве **предмета** исследования выбрана связь рассказов с народной традицией, фольклорной культурой.

Цель работы: выявить новое в прочтении «Уральских рассказов» Д. Мамина через исследование их фольклоризма, органичной связи с традиционной народной культурой.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач:**

- историографическое изучение работ по творчеству Д. Мамина, а также исследований по проблеме «литература и фольклор»;
- выявление круга фольклорных интересов Д. Мамина и его предпочтений при собирании устно-поэтических и речевых жанров;
- исследование способов творческого освоения фольклора и его функциональности в «Уральских рассказах» Д. Мамина;
- изучение коммуникативного пространства героев «Уральских рассказов» в его связях с традициями народного поведенческого и речевого этикета.

Методологическую основу диссертации определяют теоретические подходы к фольклору и фольклоризму В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, И. А. Дергачева, М. К. Азадовского, Д. Н. Медриша. В культурологическом аспекте для нас значимы труды Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова. Используется методика типологического, сравнительно-исторического, историко-культурного анализов.

«Уральские рассказы» мы исследуем по такому авторитетному изданию, как 12-томное издание 1948-1951 гг. под редакцией Е. А. Боголюбова. Наш выбор не случаен, так как данное издание отличается ценными комментариями к произведениям Д. Мамина, подготовленными Е. А. Боголюбовым, обстоятельной вступительной статьей.

Практическая ценность работы. Результаты научных наблюдений могут быть использованы в общих и специальных курсах по русской литературе XIX века, по устному народному творчеству, в спецкурсах и спецсеминарах для студентов-филологов, в практике вузовского и школьного преподавания.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Фольклорное произведение, фольклорный мотив используются Д. Маминым для маркирования места, ситуации, для конкретизации событийного пространства или играют сюжетобразующую роль, но чаще

всего приобретают полифункциональность при изображении народных типов.

2. У Д. Мамина доминирует стремление к адекватности реальной и литературной ситуаций – отсюда введение бытовой конкретики и попытки вербального обозначения внетекстовых элементов фольклорных произведений.

3. Д. Мамин в «Уральских рассказах» показывает регламентацию народной жизни понятиями и установлениями, освященными только устной культурной традицией – в этом проявляется одна из основных национальных особенностей.

4. Наследием народной культуры, в частности фольклора, являются речевые жанры русского этикета, широко привлекаемые Д. Маминым при изображении разных типов: от сплавщиков, старателей до приказчиков и владельцев приисков – все они хорошо владеют родной речью, этикетом общения, и это необходимое условие национальной общности.

Апробация работы. Основные теоретические положения диссертации и результаты исследования сообщались и обсуждались в докладах на Дергачевских чтениях – 2000, посвященных 80-летию Уральского университета и 60-летию филологического факультета (Екатеринбург, 2000); краеведческой конференции, посвященной 160-летию Нижнетагильского государственного музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала. (Нижний Тагил, 2001); региональной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка (Нижний Тагил, 2002); межрегиональной конференции «Речевая культура в разных сферах общения» (Нижний Тагил, 2004); научно-практической региональной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения П. П. Бажова (Нижний Тагил, 2004); изложены в шести научных публикациях автора.

Структура диссертационного исследования определяется намеченными задачами: оно состоит из введения, двух глав, заключения. К диссертации прилагается список использованной литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** излагается история исследования фольклоризма Д. Н. Мамина-Сибиряка, проведен обзор литературы, обосновывается актуальность темы диссертации, определяется предмет исследования, формулируются цели и задачи работы, её научная новизна. Здесь же уточняется содержание основных терминов, используемых в работе.

Первая глава «Фольклорные жанры в «Уральских рассказах» Д. Н. Мамина-Сибиряка» посвящена анализу фольклорных жанров, используемых писателем в «Уральских рассказах». Глава состоит из семи параграфов.

В первом параграфе рассмотрены факторы, повлиявшие на мировоззрение уральского писателя, а также истоки фольклоризма Д. Мамина; отмечен интерес писателя к языку народа.

Второй параграф посвящен песне и ее роли в судьбе героев Д. Мамина. Писатель не только хорошо знал русскую народную песню, он понимал ее органическую включенность в праздничное и повседневное время русского человека. Он видел в песне эстетическую силу, способную затронуть душевные струны людей разного возраста и социального опыта.

В «Уральских рассказах» Д. Мамин использовал более двух десятков песен. Это проголосные уральские песни, студенческие, разбойничьи, свадебные, шуточные, трудовые и многие другие. Песни у Д. Мамина – это часть жизни. Писатель подчеркивает общерусский характер песен. О многих песнях он говорит: «обошла... всю Россию» или «ее по всем приискам поют». С другой стороны, песни, обошедшие Россию, являются и частью уральской жизни, а, следовательно, через песню происходит приобщение уральской жизни к общерусской. Жизнь Урала отражает типические черты жизни всей России. Песенные мотивы выполняют в творчестве Д. Мамина

следующие функции: используются как средства художественного изображения жизни; выражают эмоциональное отношение к событиям или какие-либо чувства и переживания героя; служат для поэтизации героев; характеризуют отношения между героями; рассказывают о каком-либо историческом событии или о знаменитом человеке; помогают человеку организовать трудовой процесс; выполняют сюжетобразующую роль; являются композиционно необходимым элементом для более эмоционального восприятия описанных событий.

Проведенный анализ песенного материала позволяет говорить о полифункциональности народной песни в рассказах Д. Мамина, которая, с одной стороны, отражает реальную полифункциональность песни в народной жизни, а с другой стороны, свидетельствует о широком привлечении писателем песенного материала для решения чисто художественных задач. Все герои, добывающие хлеб насущным физическим трудом, органично связаны с традиционной песенной культурой, и это проявляется в том, что основную гамму душевных переживаний они выражают не вербально, а через песню, привлекая полюбившуюся им её жанровую разновидность. Заметим, что о своих интимных чувствах они скорее поют, чем говорят, у них как бы нет совсем или очень мало слов для выражения чувства любви, любовного влечения, любовных переживаний.

Д. Мамин продолжает литературную традицию изображения внутреннего мира человека через контакт с песней, которая воплотилась в «Капитанской дочке» Пушкина, «Певцах» Тургенева, «Грозе» Островского, в «Житии одной бабы» Лескова и в других произведениях русских классиков.

В третьем параграфе рассмотрена «темная» сторона народной жизни – суеверия и предрассудки. Даже служители культа чрезвычайно суеверны. Например, дьячок Фомич («Лес») «на свое ружье... смотрел как на что-то живое и, когда делал из него промах, обвинял не себя, а то, что *«дурит» ружье*. Больше всего на свете Фомич боялся, как бы к его сокровищу не

прикоснулась какая-нибудь женщина: тогда бросай все и заводи новое». «Оно хозяина знает», – совершенно искренне считает Фомич. Человек в «Уральских рассказах» вписан в систему суеверий. Таким образом реализуется «особое русское двоеверие» (Ю. Степанов), основанное на наличии в обществе двух систем: языческой и христианской. Через систему суеверных предрассудков Д. Мамин раскрывает глобальную для русского человека тему судьбы, показывая ее разные грани: а) женская доля, б) мотив семейного рока (мотив расплаты за грехи предков), в) гадания и вещие сны как средство выявления дальнейшей судьбы.

В четвертом параграфе мы освещаем приметы практические, т.е. основанные на наблюдениях за природным миром; и суеверные; основанные на мифических представлениях человека. Приметы в «Уральских рассказах» выполняют следующие функции: 1) отражают жизненный опыт героев, усвоение ими некоторых закономерностей природы (в том числе календарь земледельца); 2) помогают в создании образов «премудрых» героев. (Лука Шапкин); 3) отражают мифические представления об окружающем мире человека XIX века; указывают на неоднозначные отношения человека с окружающим миром, в том числе, с миром природы; 4) играют сюжетообразующую роль (рассказ «Вольный человек Яшка»). Можно констатировать, что герои Д. Мамина ощущают себя в сфере влияния неких природных сил, действие которых проявляется через приметы. Последние воспринимаются героями как знаки, требующие определенной реакции, обеспечивающей позитивность результата или хотя бы нейтрализации негативных последствий – и эту рефлекссию писатель вводит в сюжет как важный художественный элемент.

Параграф пятый посвящен преданиям и легендам в «Уральских рассказах». С точки зрения героев Д. Мамина, предания несут достоверную информацию. Им верят целиком и полностью, потому что порой это единственное доступное свидетельство о далеком прошлом. В «Уральских

рассказах» писатель использовал несколько разновидностей *топонимических преданий*, которые, в основном, представлены рассказами о чувовских скалах-«бойцах». Предания, отмеченные писателем, можно условно разбить на несколько групп по способу объяснения топонима: 1) предания, в которых географическому объекту дается название на основе внешнего сходства с каким-либо предметом (качеством, функцией, действием) (бойцы Столбы, Печка); 2) предания, в которых топоним объясняется при помощи перевода с другого языка (топоним Кын); 3) предания, в которых название топониму дано в связи с событием, происходившем в этом месте (предание о Татарском острове); 4) предания, в которых названия географических объектов связываются в народном сознании с деятельностью реального человека (Н. А. Демидов, Ермак, Строгановы); 5) предания, основанные на суеверных представлениях (предание о горе Чёртова Почта). В этом же параграфе рассмотрены патронимические предания, или предания о первоначальниках («Родительская кровь»), предания о гибели чуди («Гроза»), о первых заводчиках («Лес»), о благородных разбойниках («Бойцы»), предания о силачах. Также уточняется разница в значении слов *предание* и *легенда*. Можно сделать следующие выводы: 1) включая в тексты рассказов народные предания с различной тематикой, Д. Мамин учитывал прежде всего их информативную ценность. Предания и легенды содержат народную оценку событий и фактов прошлых лет, выявляют миропонимание народа; 2) соотношение народных преданий с историческими свидетельствами может быть различным: содержащиеся в них мнения и оценки порою не расходятся с историческими данными, что усиливает достоверность последних; иногда предания содержат сведения, дополняющие официальные источники; 3) расхождение народных свидетельств и официальных исторических данных далеко не всегда может быть осмыслено как следствие искажения народной памятью реальных событий. Народный взгляд на исторические события может оказаться более правдивым. Эту особенность использовал Д. Мамин,

дополняя исторические сведения данными народной памяти, народной оценкой прошлого времени; 4) в преданиях проявляются психолого-эстетические начала как в отборе жизненного материала, так и в реализации его в сюжете и образах. Из прошлого как бы выделены те факты и события, те люди, которые в представлениях «отбирающей» среды и конкретного рассказчика отмечены печатью возвышенного или низменного.

Шестой параграф раскрывает особенности употребления Д. Маминым пословично-поговорочного материала. Пословицами и поговорками насыщены все очерки, рассказы, повести и романы Д. Мамина. Писатель высоко ценил людей, у которых крылатое слово естественно входило в живую разговорную речь. Пословицы и поговорки в «Уральских рассказах» рассмотрены в следующей последовательности. 1. Общерусские. К данному виду относятся пословицы и поговорки, широко распространенные в разных регионах России. Применяя пословицы и поговорки для раскрытия социально-психологических особенностей действующих лиц, Мамин часто определяет пословично-поговорочными элементами: душевное состояние героя (*Ухватился, как утопающий за соломинку; Будет мне на орехи*); физическое состояние (*Пьянее вина; Взять двумя пальцами, и переломится*); умственные способности (*Своего ума к чужой коже не пришьешь*); характер отношений героев (*Связался старый с малым; Мир их не берёт; Старуха на мир три года сердилась, а мир и не знал*); даёт оценку героям (*Вся цена им – расколотый грош; «нехристь она нехристь и есть... в подмётки не годится»; Видно птицу по полёту*). Многие пословицы и поговорки содержат этикетные правила и поведенческие рекомендации: *Будешь все знать, скоро состаришься; К часу надо слово молвить; Хозяин что чирей: где захочет, там и сядет; В гостях воля хозяйская; Сидят, сидят, да и домой ходят*. 2. Горнозаводские пословицы и поговорки. В «Уральских рассказах» к горнозаводским пословицам и поговоркам относятся те, в которых отражается труд горнорабочих. 3. Окказиональные пословицы и

поговорки. Авторские, или окказиональные пословицы и поговорки – явление довольно частое в произведениях Д. Мамина. Писатель очень хорошо знал образ мыслей и язык русского народа, что позволяло ему, корректируя народный афоризм, доносить до читателя авторские оттенки смысла. Например, поговорка, зафиксированная в очерке: «Бойцы щелкают наши барочки, как бабы орехи. По мерной воде еще ничего, можно пробежать, а как за пять аршин перевалило – тут *держись только за землю*. Как в квашёнке месит...» Земля в мировой фольклорной традиции – символ жизни, жизненной силы. Д. Мамин в письме к брату вспоминал героя древнегреческого мифа Антея, сына земли, который терял силу, как только отрывался от земли, и русских былинных богатырей, падавших на мать сыру землю, чтобы набраться сил.¹ В таком контексте герои Д. Мамина, бурлаки-сплавщики, приобретают масштабность. Появляется эпическая тональность. Перед нами уже не просто бурлаки, а русские герои, борющиеся с природными стихиями, с разбушевавшейся Чусовой.

4. Библейские заимствования. Многие высказывания, особенно из псалмов, притч и посланий, близкие к афористической форме, были усвоены народом. Они в процессе бытования приняли ёмкую пословичную форму, но в своем содержании сохранили связь с церковным первоисточником. Например: протопоп Мелетий («Верный раб») «не считал унижением» бывать в доме Злобиных, несмотря на то, что «вся злобинская родня были отъявленные раскольники». «*Все мы, ваше превосходительство, грешны да божьи*, - объяснял Мелетий, хитро улыбаясь. – А господь разберет, кто прав, кто виноват, и кто чего стоит...». 5. Пословицы и поговорки, употребляемые раскольниками. Д. Мамин часто насыщает прямую речь героев одной и той же среды пословицами, близкими по своему идейному звучанию. По этим пословицам нетрудно определить миропонимание и социальную практику

¹ **Примечание.** В письме Д. Н. Мамина-Сибиряка к брату Владимиру встречаются строки: «Припомни «брatца Антея» и наших богатырей, которые, падая на сырую землю, получали удесятеренную силу». Письмо цит. по: Боголюбов Е. А. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка. М., 1953. С. 6.

целых общественных групп. Например, в «Уральских рассказах» все раскольники употребляют одинаковые или близкие по смыслу пословичные афоризмы: «Бог дал, бог взял»; «В лесу один Микола бог»; «Грех-то впереди нас бежит»; «Враг силен». Отметим основные особенности употребления пословично-поговорочного материала. 1. Пословичные элементы даются в авторской речи, в языке действующих лиц, организуют целые диалоги, формулируют идею автора и т.д. Использование пословично-поговорочного материала в авторской речи сближает ее с репликами героев. 2. Д. Мамин сначала дает мнение героя (или авторское), а потом напоминает народное суждение по этому вопросу. Таким образом, действующие лица во всех рассказах постоянно напоминают, как по тому или иному поводу судит народная мудрость. Речевое общение героев при помощи насыщения речи афоризмами переводится в разряд типического, поучительного, включающего и изложение ситуации, и ее народную оценку. 3. Колоссальный запас пословиц и поговорок, воспринятых Д. Маминым в народном быту, среди самых различных общественных слоев и прослоек, дал ему возможность обогатить русскую литературу новыми пословичными речениями. И в этом большая заслуга уральского писателя не только перед русской литературой, но и перед русской фольклористикой.

В седьмом параграфе мы анализируем прозвища и оценочные характеристики героев Мамина-Сибиряка. Вопросы, связанные с составом прозвищных наименований, способностью прозвища сочетаться в речи с другими антропонимическими компонентами, рассматривались в работах П. Т. Поротникова, В. А. Флоровской, З. П. Никулиной, Н. Н. Ушакова и других ученых. В «Уральских рассказах» Д. Мамина нами выделено несколько прозвищных групп. 1. *Семейно-родовые прозвища*. Называют не только одно лицо, но и представителей целой семьи или рода, т.е. группы семей, находящихся в родственных отношениях. Отличительная особенность

семейно-родовых прозвищ – передача их, как и фамилий, по наследству от отца к сыну, от деда к внуку и т.д.

2. *Лично-индивидуальные прозвища*, которые указывают на конкретное лицо без его отношения к определенной семье. В отличие от семейно-родовых почти все лично-индивидуальные прозвища сохраняют мотивировку их возникновения (внутреннюю форму), т.е. чаще всего известно, почему человеку дали именно такое прозвище. Способны заменяться другими прозвищами на протяжении жизни одного человека, поскольку сохраняется мотивировка возникновения лично-индивидуальных прозвищ, они обычно экспрессивны, более обидны, чем семейно-родовые. Прозвища указывают на какой-то один характерный признак человека. На материале маминских рассказов можно выделить следующие критерии, служащие для возникновения прозвищ: *внешний вид*. В прозвищах отражаются различные признаки внешности человека. Например, завсегдатай кабака «Плевна» Корнилыч («Башка») прозывается «ерошкой», потому что у него взъерошенные, «остриженные щеткой волосы». *Черты характера, особенности поведения, привычки*. В рассказе «Башка» сидельца «Плевны», «толстого и рябого мужика», обыкновенно звали «Иван Василичем, а под сердитую руку просто Ванькой Каином». В качестве прозвища использовано имя библейского героя, совершившего подлое убийство своего брата. Ванька Каин порой тоже обходится с посетителями кабака, по их мнению, подло. *Специальность и характер деятельности*. Например, прозвище Отрава. Героиня из одноименного рассказа «прославилась» тем, что «верных человек сто стравила». *Семейные отношения*. Дьячок Фомич («Лес») называет свою жену «матерёшкой». Прозвище от «мать», «матерь». Поскольку Фомич к женщинам вообще «питал чисто философское презрение, как к предмету недостойному», а своей жене «не доверял ни в чем и даже хлеб пек собственными руками», постольку и прозвище носит насмешливо-пренебрежительный характер. С другой стороны жизнь Фомича – это

«вполне законченное, органическое целое», которое получается из собаки Лыски, дочери Енафы, самого Фомича и той самой «матерёшки», без которой жить Фомич уже не сможет. Прозвище, являясь пренебрежительным, обладает и дополнительной коннотацией: несет в себе тепло домашнего очага, семейных отношений.

3. *Коллективные прозвища.* Это прозвища целых групп людей, объединенных не родственными отношениями, а по каким-либо внешне социальным признакам или территориально, то есть можно выделить а) коллективно-социальные прозвища («шпитонки» и «копчушки») и б) коллективно-территориальные прозвища («долгоспинники», «вороняки», «варнаки» и «челдоны», «новожилы», «пиканники», «лапотники»). Коллективные прозвища чаще всего употребляются во множественном числе.

Прозвище – одно из средств, создающих художественный образ. Оно может охарактеризовать социальную принадлежность персонажа, передать местный колорит, т.е. прозвище – это сообщение дополнительной художественной информации.

Прозвища в «Уральских рассказах» выполняют следующие функции: 1) они не только называют героев, но часто используются автором в ситуациях, когда необходимо охарактеризовать личность, дать ей оценку, выразить свое отношение и отношение других героев к ней в более яркой, эмоциональной форме; 2) люди, носящие прозвища, в чем-то обделены: морально, физически, социально. Это один из художественных приемов писателя; 3) прозвища выражают различные оттенки насмешки, причем эти оттенки вносятся в текст как героями рассказов, так и самим автором.

Прозвища играют огромную роль в закреплении и регулировании народных этических традиций. Они отражают репутацию отдельного лица, репутацию семьи, переходят из поколения в поколение, и сама община имеет определенные прозвища среди окрестных селений. Такое же значение

прозвища имеют и в профессиональных коллективах. Они выражают народную, прежде всего этическую оценку и закрепляют ее в устной традиции.

Оценочные характеристики. Оценочная лексика апеллирует к чувствам человека, вызывает переживание, создает экспрессивный эффект. Одним из признаков красоты в народно-крестьянской среде считалась полнота, «толщина». Отсюда берут начало такие оценочные характеристики: «Только и хорошего в ней, что из себя *толстая, как сальная свеча*» («Из уральской старины») или «Вот так *девка: вся яблоком...*» («Из уральской старины»). Народная характеристика звучит и в рассказе «Родительская кровь». «Четыре братана Мяконьких» – «*чистяк народ*», по выражению лесного сторожа Секрета. Секрету вторит Евстрат Важенин: «Да что уж говорить: *осетры...* Большак-от Мишка, вон какой лоб... и другие ничего – *чистые ребята*». Люди, с точки зрения других людей совершающие неправильные, дурацкие действия, получают соответствующую характеристику: *дурак по всем трем измерениям, двояко-выпуклый дурень, круглая дура*. Интересны у Д. Мамина характеристики со словом "дерево". Очевидно, они связаны с некогда существовавшим отношением человека к дереву как к существу живому. На таком отношении основаны положительные характеристики («*Дерево-деревом, а не баба. Настоящая работница, не чета другим бабенкам*» («Летные»), «Гришка-то вон какой, Христос с ним, настоящий *деревянный черт*, за двоих ворочает» («Бойцы»)). Однако, с другой стороны, в сознании народа закрепилось и другое отношение к дереву - негативное. Дерево может являться символом тупоумия, глупости («Ну и глупа же ты, матушка. Этакое *дерево смолевое!*» («Поправка доктора Осокина»)).

Очень близки к оценочным характеристикам обращения, ведь, обращаясь к кому-либо, мы тоже показываем свое отношение, оцениваем человека. Например, обращения «*милушка*», «*шельмецы, аспиды, разбойники, мошенники*», «*голова с мозгом*». Оценочные характеристики, как и прозвища,

характеризуют личность, дают ей эмоциональную (одобрительную или неодобрительную) оценку; выражают различные оттенки насмешки. Характеризуются мужчины или женщины, причем есть сугубо мужские (страмец, деревянный чёрт) и сугубо женские (изъедуга-баба, старая чертовка, мак девка) характеристики. Это могут быть самохарактеристики или оценочные высказывания о других героях. Герои определяются по внешним признакам, по внутренним душевным качествам, по уровню интеллекта. Характеристика может представлять собой пословично-поговорочное выражение, стихотворные строки, словосочетание или отдельное слово. Употребление определенных языковых средств для выражения оценки характеризует и самого говорящего с точки зрения социального происхождения, уровня образованности и т.д.

Вторая глава «Народный этикет» состоит из пяти параграфов.

Первый параграф посвящен этикету поведения. В народе издавна существует неписанный этикет, который затрагивает буквально всё: нормы поведения в обществе, в семье, правила речевого поведения. Мы выделяем следующие позиции народного этикета.

1. Жизнь «по понятиям». Понятия – это сложившиеся в народе представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо», это и обязательства людей друг перед другом, это неписанные законы. Жизнь «по понятиям» предполагает доверительность и честность по отношению друг к другу. Это своеобразный кодекс чести, который нужно соблюдать неукоснительно; фактически, вера в честное слово. Основное понятие – *справедливость* – высшая категория народного миропонимания. Отсюда вытекают все остальные народные понятия: совести, чести, добра и зла.

2. Одной из граней жизни по совести является *ответственность за содеянное*. Савка Крохаленок («На шихане»), например, считает себя ответственным за каждую без вины загубленную животину. С кулаками кинулся Савка на немца-управляющего, застрелившего собаку. «У!

нехристь...», - шипел Савка, ибо только человек нечестивый, несправедливый, бессовестный способен, по мнению Крохаленка, убить живое существо.

3. По народным представлениям *любое зло должно быть наказано*. Савоська («Бойцы») убил разбойника Федьку. Савоську мучает совесть. Он нарушил неписаный закон – и жизнь пошла наперекосяк. Д. Мамин говорит здесь о том, что человек должен выстрадать себе душевное спокойствие. Таким образом, реализуется народно-этический принцип: *искупать содеянное страданием*.

4. Жизнь по понятиям переплетается с православной моралью, которая входит в народное понимание жизни (не убий, не укради, не возжелай зла ближнему). То есть *понятие* маминских героев – это соединение моральных правил, выработанных народной традицией, с православной моралью.

В этом же параграфе мы говорим о трудовом этикете, о правилах поведения в семье, касаемся этикета одежды.

Второй параграф описывает речевые жанры извинения, благодарности, просьбы, поздравления, приветствия. Мы рассматриваем стереотипные речевые формулы, которые встречаются в "Уральских рассказах", и сопутствующие им ситуации общения.

В третьем параграфе рассматривается такое социальное явление, как пьянство, а также описываются особенности поведения и словоупотребления пьющих людей. В "Уральских рассказах" встречается множество разговорно-этикетных речевых формул, характеризующих все, что относится к алкоголю: названия спиртных напитков или процесса винопития, манеру пить или поведение пьяного человека, а также различные формы приглашения выпить. Подобные речевые формулы употребляются автором и активно используются в речи персонажей, органически входят в их разговорную речь. С одной стороны, это повседневное общение пьяниц, но, с другой стороны, в подобном общении проявляется искусство народного слова, искусство устной речи. Несомненно, что в речи пьяниц отражается

образное мышление, чувство юмора, любовь к меткому словцу, столь характерные для русского человека. Речевое пространство русского застолья является частью нашего быта, традиционной русской культуры, что нашло реалистическое воплощение в художественном творчестве Д. Мамина.

Четвертый параграф посвящен обычаям и нравам раскольников. Осознание Д. Маминым особенностей уральской жизни во многом связано с изображением старообрядчества. В «Уральских рассказах» можно проследить два противоречащих друг другу момента. С одной стороны, для раскольников характерен прочный духовный стержень как основа для будущих поколений. Савостьян Кожин («Бойцы») происходит из семьи коренных уральских староверов и соблюдает все нравственные нормы и принципы поведения старообрядцев: совесть, беспрекословное подчинение старшим, вина ни капли. Савоська – сплавщик, потому что «весь род сплавщики». Родовое сознание, передача мастерства, профессиональных навыков от отца к сыну характерны для раскольников. Но, с другой стороны, традиции старообрядцев как бы «консервировали» жизнь, оставляя ее в неподвижности, без развития. Д. Мамин показывает, что раскольники чуждаются всех новшеств, порой принимая их за деяния нечистой силы. Например, дедушка Лупан («Бойцы»), хоть и «якшался с православными», «придерживался старинки». В силу своих убеждений он «не пил чаю, который называл антихристовой травой». Феномен старообрядчества рассматривается Д. Маминым не только в религиозном смысле, но и как философия, мировоззрение, особый тип языка, фольклора, обрядов и этики.

Пятый параграф характеризует комический дублет русского речевого этикета. Русский человек умеет осмеять свои слабости и пошутить над другими. «Остроумие – одна из форм... творческого самовоскрешения народа, созидającego недовольства собой и действительностью».² Высмеиваются люди всех сословий и возрастов, их привычки и слабости.

² Борев Ю.Б. Комическое. М., 1970. С. 28.

Через шутку можно осудить какой-нибудь порок или недостаток человека, например, пьянство, мотовство. Предметом насмешек становятся люди, имеющие какой-нибудь физический недостаток или просто не попадающие под понятие красоты, нормы, например, хилые, тщедушные люди (заседатель Блохин («Из уральской старины»)), и наоборот, физическая сила, мощь всегда вызывает восхищение, даже в таком странном проявлении, как храп («Как ведёрный самовар зажаривает», – восхищается Вахрушка попом Ильей («Отрава»)). Дурным тоном в народной среде считается излишняя эмоциональность, особенно при проявлении негативных эмоций. Высмеиваются ворчливость, склочность. «Да ты нешто с того свету пришел, дедушка, чего больно ругаешься-то?.. Мотри, к ненастью...» – подшучивают над стариком Федей старатели. Очень важное место в общении русских занимает *языковая игра*. Сфера шутливой тональности разговорной речи в «Уральских рассказах» непосредственно соприкасается с собственно поэтическим творчеством. Однако такое речетворчество возможно лишь в том случае, если человек обладает ассоциативным мышлением, чувством юмора, знанием традиций и т.д. Шутовство, балагурство является одной из национальных черт русских. Ироничным у русского человека может быть даже отношение к смерти. Например, такое отношение наблюдается у Якова Шипицына («Переводчица на приисках»). Он разорился, одиннадцать дочерей «чичеревели в девках» как бесприданницы, лучший друг предал. «Вот тут уж я и закурил окончательно, – рассказывает он переводчице Ираиде Филатьевне, – а жена, старуха-то моя, *маялась, маялась, да и догадалась: померла*». К числу русских этикетных традиций можно отнести и такое явление, как *отнекивание*. Иногда отнекивание принимает форму самоуничижения, порой наигранного. Яков Шипицын, разорившийся купец, объясняет отказ пообедать вместе с Ираидой Филатьевной тем, что «весьма понимает свое место». «Куда уж мне в лаптишках с господами иностранцами обедать... уж увольте, сударыня» («Переводчица на приисках»).

В Заключении диссертации подводятся итоги исследования.

Проведенный анализ позволяет определить сюжетно-жанровый корпус фольклорных произведений, зафиксированных Д. Маминым и использованных им в «Уральских рассказах». Иными словами, можно говорить о собирательской работе Д. Мамина (о чем писали О. Б. Алексеева, И. А. Дергачев), но и иметь в виду, что осуществлял ее все-таки писатель, а не фольклорист. В первую очередь следует назвать предания, к которым писатель обращался как к источнику народных исторических сведений. Это патронимические, топонимические и собственно исторические предания. Д. Мамин передает народный принцип наименования населенного пункта, прииска, рудника, завода, особое внимание уделяет названиям чувовских камней-бойцов (смысловое наполнение их названий у Д. Мамина совпадает с фольклорными записями в сборнике «Предания реки Чусовой»), чувовским разбойникам, пребыванию Ермака на Урале и походу в Сибирь, и отдельно следует выделить цикл преданий о местных силачах. Более двадцати песен использовано в «Уральских рассказах»: трудовая «Дубинушка», сатирическая «Как сибирский генерал...», «острожная», как ее назвал Д. Мамин, песня в «Лётных», причет невесты в «Золотухе» – остальные лирические. Широко представлены народные суеверия как неотъемлемая часть воззрений людей всех сословий, начиная от «озорника» Спиридона, который верит в колдунов и колдуний, насылающих на людей любовные присушки, и кончая дьяконом Органовым, принимающим нечистую силу как реально существующую. Всеобщая суеверность героев «Уральских рассказов» сопряжена с верой в бога одних и безразличным отношением или неверием других. Д. Мамин наделяет своих героев хорошим знанием родного языка, умелой речью. Среди них встречаются молчаливые, немногословные, но нет косноязычных, плохо владеющих родной речью, испытывающих этикетные затруднения. В частности, в рассказах много афоризмов, вобравших опытные знания народа, и герои постоянно употребляют

пословицы, поговорки в различных коммуникативных ситуациях, повседневных и праздничных.

«Уральские рассказы» – это синтез множества тем сложной и неоднозначной жизни Урала XIX столетия. Д. Мамин осмыслил вечные вопросы сущности человека. Важной для уральского писателя была ориентация на представления народа, его мораль и мудрость. Фольклорное начало в маминских произведениях органически сливается с реально-событийным и конкретно-историческим. Фольклор в произведениях Д. Мамина выполняет разнообразные идейные, эстетические, композиционные функции и подвергается определенной трансформации в соответствии с творческим замыслом. Мамин обладает способностью переводить конкретные предметы и понятия в план философских обобщений, соотносить художественный материал с реальными событиями, историей, характером русского народа.

По теме диссертации опубликованы следующие работы.

1. К вопросу о философско-этических и религиозных взглядах Д. Н. Мамина-Сибиряка // Тагильский край в панораме веков. Вып. 2. Сборник материалов краеведческой конференции, посвященной 160-летию Нижнетагильского государственного музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала / Отв. ред. Е. Г. Неклюдов. Нижний Тагил, 2001. С. 332-335.
2. Пословицы и поговорки в «Уральских рассказах» Д. Н. Мамина-Сибиряка // Художественное, научно-публицистическое и педагогическое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка в современном мире. Материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка / Отв. ред. И. В. Милостной. Нижний Тагил, 2002. С. 70-73.
3. Этикетные речевые формулы (на материале «Уральских рассказов» Д. Н. Мамина-Сибиряка) // Речевая культура в разных сферах общения:

- Сборник статей сотрудников проблемной лаборатории «Речевая культура в разных сферах общения». Вып. I / Сост.: Т. С. Кириллова, Г. А. Авдеева. Нижний Тагил, 2003. С. 86-92.
4. Культ силы в сказах П. П. Бажова и «Уральских рассказах» Д. Н. Мамина-Сибиряка // Жил на Урале великий русский сказитель. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения П. П. Бажова / Отв. ред. И. В. Милостной. Нижний Тагил, 2004. С. 47-51.
 5. «Станут смеяться, и мы посмеемся»: сфера шутливой тональности в «Уральских рассказах» Д. Н. Мамина-Сибиряка // Ученые записки НТГСПА. Филологические науки / Отв. ред. Н. Е. Букина. Нижний Тагил, 2004. С. 72–76.
 6. Речевое пространство русского застолья: пьянство и пьяницы в «Уральских рассказах» Д. Н. Мамина-Сибиряка // Речевая культура в разных сферах общения: Сборник статей сотрудников проблемной лаборатории «Речевая культура в разных сферах общения». Вып. II / Сост.: Т. С. Кириллова. Нижний Тагил, 2004. С. 60-65.